

О ЧАСТЕРЕЧНОМ СТАТУСЕ МЕСТОИМЕНИЙ
В ХАКАССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ¹

Статья посвящена проблеме частеречного статуса местоимений хакасского и русского языков. Автор приводит разные точки зрения по данной проблеме, обосновывает целесообразность применения семантико-функционального критерия при определении статуса местоимений как особой части речи.

Термин, выражающий понятие «местоимение», восходит к греческому *ant-onymia* или латинскому *pronomen*, которыми обозначались слова, используемые в качестве заменителей имен [Майтинская 1969: 25].

Большинство исследователей подчеркивают древность происхождения местоимений, прежде всего личных. Например, Ф. Д. Ашнин в коллективной монографии под ред. Э. Р. Тенишева «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» в IV главе, посвященной этой части речи, отмечает: «Справедливо считается, что они (личные местоимения – В. К.) относятся к наиболее древнему пласту тюркской лексики и восходят если не к прототюркской, то, во всяком случае, к пратюркской эпохе». Собственно личными по происхождению местоимениями являются местоимения 1-ого и 2-ого л. ед.ч. и мн.ч. *bä (я), *bi (мы) и *sä (ты), *si (вы) [Тенишев 1988: 202].

Древность происхождения местоимений в русском языке подчеркивает в коллективном учебном пособии под ред. Н. М. Шанского А. В. Филиппов: «Состав местоимений современного русского языка, включающий несколько десятков единиц, формировался тысячелетиями. Ряд современных местоимений (ты, мой, свой) восходит еще к индоевропейскому праязыку, другой ряд возник в общеславянскую эпоху (я, он, что, кто), некоторые – в восточно-славянскую эпоху (тот) и в более поздние времена (этот, кто-либо, какой-нибудь и другие составные местоимения)» [Шанский 1988: 349].

Несмотря на древность происхождения, частеречный статус местоимений до сих пор остается спорным.

Большинство авторов академических и учебных грамматик тюркских языков считают местоимение самостоятельной частью речи, к которой относятся слова, употребляющиеся в речи вместо знаменательных слов:

¹ Исследование осуществлено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры Инновационной России» на 2009–2013 гг. (государственный контракт № 02.740.11.0374)

существительных, прилагательных, числительных, наречий [Дмитриев 1948; Тенишев 1954; Ширалиев 1954; Кононов 1956; Исхаков 1961; Майтинская 1969; Захарова 1987 и др.]. Следует отметить, что в тюркских языках терминологическое значение слова «местоимение» значительно шире в отличие от русского языка. Здесь принято включать в число местоимений и местоименные наречия, имеющие неопределенные, отрицательные и другие значения. Специфической особенностью местоимений тюркских языков, в том числе хакасского, является их способность заменять и глаголы.

Более спорным является частеречный статус местоимений в русском языке. По этому вопросу существует несколько точек зрения.

Некоторые языковеды местоимение как особый класс слов вообще не выделяют [Пешковский 1956: 154–155]. Ф. И. Буслаев относит местоимения к служебным словам [Буслаев 1958: 101]

Большинство же языковедов определяют местоимения как особый разряд слов. Особенностью этой части речи является их указательная функция. Местоимения только указывают на предметы, признаки, количества, а в хакасском языке – и на действия. В. В. Виноградов определяет местоимения как «класс указательных слов, характеризующихся обобщенно-предметным значением (он, некто), обобщенно-качественным и обобщенно-количественным значением (такой, тот, мой, столько)» [Виноградов 1952: 233]. М. И. Стеблин-Каменский подчеркивает, что местоимения как часть речи выделяются не по грамматическому значению, поскольку для них основным следует считать лексическое значение [Стеблин-Каменский 1957: 83]. В. З. Панфилов также полагает, что местоимение как особая часть речи может быть выделена на основании только им свойственного значения местоименности [Панфилов 1962: 226–227].

При этом в разных языках выделяется разное количество разрядов местоимений при разном терминологическом обозначении, что представляется нам правомерным, ибо это зависит от грамматического строя языка. Например, выделение местоимений-глаголов возможно только в тюркских языках.

Представляет интерес подход к местоимениям в академической Грамматике русского языка под ред. Н. Ю. Шведовой. Местоимение как самостоятельная часть речи здесь вообще не выделяется, но как самостоятельная часть речи выделено *местоимение-существительное*, другие же аналогичные – местоимения-прилагательные, местоимения-наречия, местоимения-числительные как самостоятельные части речи не выделяются, хотя при описании прилагательных, числительных и наречий о замещающих их местоимениях речь идет, но называются они то *местоименными словами*, которые даются через запятую соответственно при перечислении собственно прилагательных, числительных, наречий: *никто, ничто, ника-*

кой, ничей, нигде, чей-либо, кто-нибудь, куда-нибудь и др. [Шведова 1982: 412–413], то местоименными прилагательными, местоименными числительными, местоименными наречиями, при этом каждый разряд подвергается семантической классификации. Так, например, в вышеназванной грамматике читаем: «Местоименные прилагательные делятся на шесть групп: 1) *притяжательные* (так называемые притяжательные местоимения): а) *личные*, указывающие на принадлежность первому лицу (мой, наш), второму лицу (твой ваш) или третьему лицу (несклоняемые прилагательные его, её, их), б) *возвратные*, указывающие на принадлежность лицу-объекту из трех лиц (свой);

2) *указательные*: тот, этот, такой, этак (разг.), таков, следующий, а также слова тот-то, такой-то; 3) *определительные*: всякий, всяческий, каждый, любой, весь, целый, иной, другой, сам, самый; 4) *вопросительные*: какой, который, чей, каков; 5) *неопределенные*: какой-то, некоторый, некий; 6) *отрицательные*: никакой, ничей [Шведова 1982: 542].

Нам представляется, что такой подход к местоимениям себя не оправдывает, так как он имеет два противоречия. Во-первых, вызывает недоумение, почему авторы указанной грамматики выделяют местоимение-существительное как самостоятельную часть речи, но не выделяют по аналогии местоимение-прилагательное, местоимение-числительное и т. д. Второе противоречие состоит в том, что авторы, рассредоточивая местоимения по формальным показателям по другим частям речи, так или иначе вынуждены по функционально-семантическому критерию прибегнуть к выделению в рамках данных частей речи традиционных разрядов местоимений (личные, притяжательные, определительные и т. д.). Если нет местоимения как самостоятельной части речи, то это, на наш взгляд, должно найти отражение и в терминологии. Такое рассредоточение местоимений по разным частям речи едва ли является оправданным, тем более что функциональная близость местоимений к другим частям речи и так подчеркнута в названии их разрядов: местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные, местоимения-наречия. А заместительно-указательная функция местоимений является сущностной характеристикой этой части речи, она терминологически отражена в их названии (*pro-nomen* – вместо имени). Именно семантико-функциональный критерий является, по нашему мнению, основополагающим при определении их частеречного статуса.

Следует отметить аналогичный подход к «растворению» некоторых частей речи в рамках других в германистике. Например, швейцарский лингвист Г. Глинц в поисках новой функциональной классификации частей речи в немецком языке приходит к шести классам слов, среди которых находится «местоимение или указательное слово» («Pronomen oder Anzeigewort»), куда он причисляет также артикль и числительные, опреде-

ляя этот класс слов как «сопроводители» («Begleiter») или «заместители» («Stellvertreter») имён; а немецкий ученый Й. Ербен выделяет пять классов, в том числе «соотносящееся с величинами слово» («das größenbezügliche Formwort»), объединяя в этом классе синсемантические слова: местоимения и артикль. Оба лингвиста создают свою собственную терминологию (перевод терминов – В. К.) [Цитата по Schmidt 1967: 61–67]. Таким образом, статус местоимений как особой части речи обоими лингвистами признается. Именно к ним причисляются другие традиционные части речи, а не наоборот.

Нет единого мнения и относительно классификации местоимений. Обычно местоимения классифицируют по двум критериям – функциональному и семантическому. Не мало исследователей этой части речи в различных языках ограничиваются семантической классификацией, хотя по мнению некоторых ученых суть местоимений как заменителей знаменательных частей речи отчетливее проявляется в функциональной классификации [Рассадин 1978: 254].

По функциональному признаку, т. е. по их соотносённости с той или иной частью речи, местоимения подразделяются на следующие разряды: местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные, местоимения-наречия, а в тюркских языках – еще и местоимения-глаголы.

К *местоимениям-существительным* в хакасском и русском языках относятся: *мин* ‘я’, *син* ‘ты’, *ол* ‘он (она, оно)’, *нис* ‘мы’, *сирер* ‘вы’, *олар* ‘они’, *пос* ‘сам’, *кем* ‘кто’, *ниме* ‘что’, *пирдеези* ‘никто’, *пир дее ниме* ‘ничто’, *кем-де* ‘кто-то’, *ниме-де* ‘что-то’, *пирези* ‘кто-нибудь’, ‘что-нибудь’, *пу* ‘этот’, *тиги* ‘тот’, *ол* ‘тот’ и др.

Местоимения-прилагательные: *мини* ‘мой’, *сини* ‘твой’, *ани* ‘его (ее)’, *писти* ‘наш’, *сирерни* ‘ваш’, *оларни* ‘их’, *пости* ‘свой’, *прай* ‘всё (все)’, *полганы ла* ‘всякий (каждый)’, *андаг* ‘такой’, *хайдаг* ‘какой’.

Местоимения-числительные: *нинче* ‘сколько’, *нинче-де* ‘сколько-то’, *анча* ‘столько’. В хакасском языке нет соответствия русскому местоимению *несколько*.

Местоимения-наречия: *хайда* ‘где’, *хацаң* ‘когда’, *хайди* ‘как’, *иди* ‘так’.

Местоимения-глаголы: *ноол* (употребляется только в верхнетейском говоре) и *хайд*. В русском языке этим хакасским местоимениям-глаголам соответствий нет. Впервые о глагольных местоимениях хакасского языка мы писали в 1995 году [Карпов 1995: 84–86].

Глагольное местоимение *ноол* восходит к корню *ноо* (<ноймо<ноо ние) употребляющееся сегодня в сочетании с местоимением *ниме* ‘что’: *ноо ниме* ‘что’, *ниме-ноо* ‘ничто’. В некоторых говорах сагайского диалекта *ноо ниме* преобразовалось в *нойма*: *Нойма итчезиң мында?* (ср.: лит. *ниме итчезиң мында?*) ‘Что ты здесь делаешь?’.

Сегодня трудно объяснить, каким образом местоименный корень *ноо* в хакасском языке приобрел значение обобщенного действия, к которому позже присоединился аффикс страдательного залога *-л*, в результате чего получился глагол, от которого можно образовать все словоформы глагольной парадигмы: *нооларга* – инфинитив ‘делать что-то’; *ноол* + *чатхан* – причастия настоящего времени, *ноол* + *ган* – причастие прошедшего времени, *ноол* + *ар* – причастие будущего времени); *ноол* + *ып* – соединительное деепричастие, *ноол* + *бин* – отрицательное деепричастие ‘не делая’. *Ноол* может спрягаться в любом наклонении: *мин ноолчам* ‘я делаю’, *син ноолчазың* ‘ты делаешь’, *ол ноолча* ‘он что-то делает’ и т. д. Например, к человеку, который должен одеваться, но не делает этого, другой обращается: *Нога ноолбинчазың?* (вместо *Нога тонанминчазың?*) ‘Почему не одеваешься?’.

Глагольное местоимение *нооларга* на русский язык можно перевести несуществующим в русском языке словом ‘чтолить’. Местоимение *ноол* в верхнетейском говоре сагайского диалекта может заменять любой глагол, лишь бы позволяла его семантика.

Вторым глагольным местоимением является хайт, восходящее к корню хай, от которого образуются вопросительно-относительные местоимения, замещающие прилагательные и наречия: *хайдаг* ‘какой’, *хайда* ‘где’, *хачан* ‘когда’, *хайдар* ‘куда’, *хайдаң* ‘откуда’, *хайди* ‘как’.

Местоимению *хайт* в русском языке нет прямого соответствия. Его значение выясняется только в контексте или в речевой ситуации. Например, хакас, увидев непонятное, неожиданное для него действие, восклицает с недоумением: *Хайттың-а?* (форма изъявительного наклонения, недавно прошедшее, 2-е л. ед. ч.). Наиболее близкий перевод – ‘Что с тобой?’ Ответ: *Хайтнаам* (отрицательная форма изъявительного наклонения неопределенного прошедшего времени, 1-е л. ед. ч.) ‘Ничего или Ничего со мной не случилось / ничего я не сделал’.

Аналогичные местоимения-глаголы отмечаются в тофаларском, тувинском, татарском, киргизском и других тюркских языках [Рассадин 1978: 257; Исаков 1961: 229–231]. Однако, несмотря на бесспорную правомерность функциональной классификации местоимений, многие исследователи при описании этой части речи ограничиваются лишь семантической классификацией. Например, в наиболее полной Грамматике хакасского языка функциональная классификация местоимений хакасского языка не приводится [Баскаков 1975].

В русистике относительно функциональной классификации местоимений также нет единого мнения, например, в вышеупомянутом учебном пособии под редакцией Н. М. Шанского местоимения разделяются на три группы:

1) *местоимения-существительные* (я, ты, вы, он, кто, что, это, кто-нибудь);

2) *местоимения-прилагательные* (мой, твой, ваш, этот, такой, всякий, никакой, какой-либо);

3) *местоимения-числительные* (сколько, столько, сколько-нибудь, несколько, несколько) [Шанский 1988: 349]. Эти же три функциональных группы значатся и в учебнике русского языка под редакцией Д. Э. Розенталя [Розенталь 1984: 342].

В учебниках Н. М. Шанского и Д. Э. Розенталя при классификации местоимений по признаку соотнесенности с частями речи не значится группа местоименных наречий, но при характеристике наречий как части речи в учебном пособии Н. М. Шанского выделяются местоименные наречия, которые делятся на разряды, традиционно выделяемые при описании местоимения как самостоятельной части речи: 1) *вопросительные*: где, куда, когда, зачем, откуда и др.; 2) *относительные*: где, куда, когда и т. д.; 3) *определятельные*: всегда, иногда, везде, всюду и др.; 4) *указательные*: там, туда, так; 5) *неопределенные*: где-то, куда-то, как-то, где-либо, когда-либо, где-нибудь, кое-где, кое-когда и др. [Шанский 1988: 472].

Наиболее полная традиционная классификация местоимений русского языка по их значению, точнее по функционально-семантическому критерию, представлена в учебнике А. Б. Аникиной, Ю. А. Бельчикова и др. «Современный русский язык» под ред. Д. Э. Розенталя. Авторы выделяют девять разрядов местоимений: личные, возвратные, притяжательные, указательные, вопросительные, относительные, определятельные, отрицательные, неопределенно-личные [Розенталь 1984: 334–342].

Традиционная семантическая классификация местоимений хакасского языка содержит восемь разрядов: личные, указательные, лично-притяжательные, возвратные, определятельные, вопросительные, неопределенные, неопределенно-отрицательные [Баскаков 1975: 145–163], которая, на наш взгляд, нуждается в уточнении.

Как видим, приведенные классификации различаются как по количеству разрядов, так и по их названиям. Их сопоставление, выявление сходств и различий составит предмет специального исследования.

Таким образом, сопоставление местоимений хакасского и русского языков позволяет заключить, что в том и другом языке они представляют собой самостоятельную часть речи. В хакасском языке, как и в других тюркских языках, статус местоимения как самостоятельной части речи решен однозначно. В русистике же по этому вопросу нет единого мнения, хотя большинство индоевропеистов признают за местоимениями статус самостоятельной части речи.

Список использованной литературы

Аникина А. Б., Бельчиков Ю. А., Вакуров В. Н. и др. Современный русский язык: Лексика и фразеология. Фонетика и орфоэпия. Словообразование. Морфология. Синтаксис: учебник для вузов. Под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1984.

Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. II. М., 1958.

Грамматика киргизского литературного языка. Отв. ред. О. В. Захарова. Фрунзе, 1987.

Грамматика хакасского языка. Отв. ред. Н. А. Баскаков. М.: Наука, 1975.

Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М., Л., 1948.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.

Карпов В. Г. К вопросу о классификации местоимений в тюркских языках / В. Г. Карпов // Актуальные проблемы подготовки специалиста в педагогическом вузе / Материалы II Республиканских Катановских чтений. Абакан, 1995. С. 84 – 86.

Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. 1969.

Панфилов В. З. Грамматика нивхского языка. Т. 1. М., Л., 1962.

Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

Русская грамматика. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. I. М., 1982.

Современный русский язык. Морфология. Под ред. В. В. Виноградова. М., 1952.

Сравнительная грамматика русского и азербайджанского языков. Под ред. М. А. Ширалиева. Баку, 1954.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1988.

Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка. М.-Л., 1957.

Шанский Н. М. Современный русский литературный язык: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. Под ред. Н. М. Шанского. Л., 1988.

Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik // W. Schmidt. Volk und Wissen Volkseigener Verlag Berlin, 1967.